

АННА
ТОМЧЕНКО

18+

ИЗМЕНА, РАЗВОД
И ПРОЧИЕ РАДОСТИ

Анна Томченко
**Измена, развод и
прочие радости**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69172864
SelfPub; 2023*

Аннотация

Муж просто предложил мне развод, а потом его друг рассказал, что уже несколько лет в браке нет верности, ведь у моего супруга беременная любовница. Я оказалась разбита, унижена и с разводом вместо новогоднего подарка. Смогу ли я построить новую жизнь или муж и его лучший друг совсем убили меня, поспорив на мои чувства?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	39
Глава 6	46
Глава 7	51
Глава 8	65
Глава 9	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Анна Томченко

Измена, развод и прочие радости

Глава 1

– Выручай! – проорала телефонная трубка моего благоверного. Он по инерции попытался бросить ей в меня, ибо разговоры со всякими истеричными и депрессивными – женская прерогатива. Я сделала злые глаза, как у гадящего единорога.

– Что случилось, Вась? – закатив свои чёрные очи, выдохнул Рубенской.

У меня не укладывалось в голове, как мой Миша и Вася до сих пор дружат. Один – заместитель директора металлургического завода, другой – непризнанный поэт, считай говночерпий. Я подозревала, что виной тому их общее детство, садик и школа. А потом поняла: противоположности притягиваются. Муж подарил мне на годовщину брака квартиру, Спиридонов своей пассии – букет гвоздик. Рубенской в сортир ходит с ноутбуком, чтобы проверять цены на железо, а Вася сворачивает самокрутки из сборника стихов Есенина. Мой суженый ни дня не мыслит без смузи из брокколи, а его

друг запивает спирт бабкиным компотом.

Машина припарковалась возле старенькой пятиэтажки. Я надеялась отсидеться в тылу, но Михаил смерил меня тяжёлым взглядом и воззвал к совести. Та своим храпом оглушала окрестности.

– Ты же обещала быть со мной и горе и в радости...

– Вот именно! – буркнула я, ссаживая с колен своего шпица, не хватало ещё её подвергать стрессу и тараканам. – Там про соплю Спиридонова ни слова не было.

Третий этаж и дверь, обитая дерматином. Вася встречал нас, благоухая этиловыми парами, в растянутых трениках и майке-алкашке. Русые вихры торчали во все стороны, а пальцы, что нервно сжимали окурочек "Примы", говорили о невероятном волнении.

– Алис, разувайся, я только полы помыл...

Полы выглядели так, будто по ним прошло стадо ослов. Тонкий линолеум вздулся возле плинтусов.

– Одумайся, грешник, и вспомни про инстинкт самосохранения, прежде чем предложишь мне свои тапки, – выдала я и по стеночке, где, как мне казалось, грязи меньше, просочилась в зал.

– Вы не представляете, она такая... Такая... – экзальтированно блял Спиридонов.

– Денег не дам, – сразу обрубил муж.

Непризнанный поэт оскорбился, а потом рассказал о Наташе. Познакомились они в трамвае, она возвращалась от

мамы, а Вася – из загула. И блондинка с аристократическим носом покорила сердце литературного мужа.

– Чего ты хочешь? – перебил Миша, подпирая спиной косяк.

– Она такая... Такая...

– Мечта поэта? – подсказала я, неотрывно рассматривая дырявый на большом пальце носок Василия.

– Да! – выкрикнул друг мужа и взмахнул рукой как бы в избытке чувств. А как по мне – тестостерона. – Вы же согласитесь составить нам компанию за ужином?

Обычно мой супруг отличался редким снобизмом, но только не с Васей. Он дал положительный ответ, а я печально рассматривала в грязном окне серый ноябрь. Ну что поделать, я ж хорошая жена. Не буду перечить вслух.

– Алис, – помявшись в коридоре, позвал друг детства, – что мне сделать, чтобы точно понравиться ей?

– Поменяй носки, Спиридонов, – красноречиво намекнула я, кивая в сторону дырок на больших пальцах.

– Пообещай мне, что не станешь шутить, – поправив рубашку и поймав мой взгляд в зеркале, попросил Миша.

– Пообещай мне, что он не станет читать свои стихи. – Уместно ли было торговаться, стоя в фойе кафешки, я не знала, но как вспомню стихосложение непризнанного гения, так желудок требует экстрадиции. – В жерле кита сомкнулись воды, что можно сейчас ожидать от природы?

Я нарочно выбрала самый зубодробительный пассаж, и мужа перекосило. Спиридонов был поэтом непризнанным не просто так. Его трудами можно было воскрешать мёртвых и упокаивать ещё живых. Почившие восстанут накостылять этому бумагомарателю, а все остальные сами будут придерживать крышки гробов, чтобы, упаси Боже, ещё раз не столкнуться с настолько «прекрасным».

– Наташенька опаздывает, – донёс до нас Василий.

– Не удивлюсь, если она вообще не придёт, – пробубнила я себе под нос, но Рубенской всё равно услышал.

– Надо было просить тебя не хамить, а не шутить, – зло прошипел супруг, отодвинув мне стул.

Надо было меня вообще дома оставить. Волки были бы сыты, а одна конкретная тестостеронная овца цела. Но тут как с родами: обратно не засунешь.

– Как твои носки, Спиридонов? – решила завести необременительную беседу я и получила шлёпок по коленке под столом. Воззрилась на мужа с презрением грешника, который отрицал все свои прелюбодеяния.

– А ты думаешь, всё так быстро закрутится? – покраснев как рак, которого бросили в кипяток, спросил Вася.

Я печально покачала головой. Дырявые носки для мужика это как небритые ноги для бабы, точно дальше посиделок дело не зайдёт. Но это ж насколько надо не верить в себя, чтобы даже не помыслить о победном результате операции?

Подошёл официант, супруг сделал заказ для нас. Но тут

литературное светило дёрнулось и прощebetало:

– А можно мне грамм сто...

Извернувшись так, чтобы мой кед дотянулся до противоположной стороны стола, я больно пнула друга мужа по щиколотке. Он по-бабьи ойкнул и уставился на меня.

– Ты ещё надерись тут до её прихода, – поддержал Миша.

– Ну я... – промямлил Василий. – Мне ж для храбрости...

– Ты для храбрости походу приложился к бабкиному компотику, – саркастично заметила я, перегнувшись через стол и втянув ноздрями воздух. Спиридонов замялся, попытался отстраниться. Но, уловив амбре этилового спирта, я успокоилась и вернулась на стул.

А Наташа всё не шла. Через двадцать минут и чайник жасминового чая я стала нервничать. Я не сильно переживала за постельную жизнь Васьки, просто бесило, что это не я тут заставляю всех корчиться в муках ожидания.

– Спиридонов, у тебя просто проклятые носки, – заметила я, когда стрелка часов передвинулась ещё на полчаса.

– Наташенька! – вскрикнул Василий, выпрыгивая из-за стола. Так, что оный чуть не придавил мне ногу. Я рассудила, что так выглядит карма, но потом забила на намёки судьбы и во все глаза вытаращилась на мечту поэта.

Натали оказалась светловолосой миловидной девушкой. Образ портила некоторая нервозность в движениях: хрупкие тонкие пальцы вечно дёргались и заламывались, взгляд она не поднимала из-под ресниц, и если я удостоилась короткого

кивка, то на Мишу она старательно не глядела.

– А как вы познакомились? – разрядил обстановку супруг.

– Вася был таким обаятельным. – Я сомневалась в возможностях Спиридонова кого-то обаять, разве что гладильную доску. – Он читал мне Бродского...

Я наклонилась за нелепо уроненной ложкой, столкнулась лбом под столом с благоверным и зло зашептала:

– Вот видишь, ей он читает Бродского, а мне приходится выслушивать его корявые пасквили.

Наташенька комкала в ладонях салфетку. Спиридонов разливался трясогузкой, хоть и обещал не читать стихи. Но где обещания и где воздержание трёхгодичное? Когда миловидная блондинка со строгим пучком на голове нерешительно удалилась в дамскую, моё любопытство разразилось арией на тему, что она здесь не по своей воле и её принудили, отконвоировав до дверей кафе.

– Ты же не хотела приходить... – сказала я своему отражению в зеркале, что висело в туалете над раковиной. Девушка затравленно уставилась в него же.

– Меня маменька заставила. Она сказала, что негоже так поступать. Если ничего не можешь обещать кавалеру – скажи ему в лицо...

Что-то мне подсказывало, что вот с этой самой маменькой я бы нашла общий язык, но что делать с Наташенькой, не представляла. С одной стороны, Спиридонов тот ещё кин-

дер-сюрприз, но с другой... Как-то обидно стало.

– Понимаете, он такой трепетный. – Она дёрнула бумажное полотенце. – Заикается, стихи читает... Но совершенно не приспособлен к жизни...

Это точно. Вспомнилось, как будучи у нас в гостях он орал на чайник, чтобы тот начал греть воду, потому что кнопки не нашёл. А то, что она была сенсорной, не его проблемы. Или как свалился в дачный сортир у своей бабки. Перелом руки. Но это не помешало ему с ретивостью бронетранспортёра ваять одной левой свои вирши.

– Вот вы как познакомились с супругом?

– Он засунул мне деньги в декольте, – на автомате отозвалась я, выныривая из воспоминаний.

– И тогда вы влюбились?

– Нет, тогда я решила доказать, что стою дороже...

– И не пожалели?

– Лучше сделать и жалеть, чем не сделать...

Я запрыгнула на мраморную столешницу раковин, подогнула под себя ногу и закурила. Захотелось пофилософствовать.

– Наташ, когда мужчина делает вид, что влюблён, он галантен, щедр, остроумен, – затянулась ментоловым дымом, – но когда он реально влюбляется, то ведёт себя, как забитая овца.

– Это как? – вспорхнула ресницами Натали.

– Блеет и отдаёт богу душу.

Помолчали. Я затушила сигарету, помыла ещё раз руки и вытащила жвачку.

– Думаете, стоит попробовать?

– Я вообще не утруждаю себя этим. Но если у тебя внутри что-то сворачивается, зажигается, взрывается, пока вы рядом – возможно...

– Да, – медленно сказала она, пряча от меня взгляд. – Но он такой ранимый, возвышенный... Как же мы с ним...

– Просто... – рассеянно отозвалась я. – И плевать на его носки...

– А что с ними не так? – подозрительно уточнила Наташенька.

– Они прокляты...

Сопливый ноябрь переделся в снежную шубу, принарядился, обвесившись вуалями из ледяных нитей. Нацепил на стволы деревьев кружево изморози, заиграл солнечными зайчиками в неровных льдинках, плюнул во вчерашние лужи, и они стали хрусткими, как советские леденцы из сахара.

Я раскладывала гирлянды на барной стойке. Всего полтора месяца до Нового года, а мы с мужем не решили, где будем отмечать. Из-за нашей нерешительности я торопилась навести праздничный уют в квартире, чтобы на выходных проверить это же с загородным домом. Про подарки старалась не думать. Я знала, что Миша очень хочет снегоход. Даже деньги со сдачи квартиры откладывала, благо его всё рав-

но не интересовало, как я распоряжаюсь его подарком. Но в вежливом жесте осведомилась:

– Миш, – крикнула я в зал, где благоверный, лёжа на диване, читал какие-то свои документы. – А что ты хочешь получить от меня на Новый год?

Подозрительная тишина смутила. Я бросила в мусорную корзину безвозвратно пожеванный дождик и вышла с кухни. Рубенской сидел в какой-то напряжённой позе и разглядывал меня. Я тоже подглядела: тапочки с мордой Гуффи, шорты и майка. Вроде пятен от безвременно почивших гирлянд не было. Прошла к дивану и присела на пол.

– Так какой ты хочешь подарок получить на Новый год? – Я смотрела на мужа снизу вверх и в который раз за шесть лет брака любовалась этим мужчиной: правильные черты лица, почти чёрные глаза в обрамлении таких же ресниц, волевой подбородок и аристократичный нос. Тело фитнес-тренера с мозгами бизнесмена. Хорош. И тем невероятнее было услышать от него следующее:

– Я хочу развода, Алис...

Глава 2

Шесть лет... Шесть лет, твою ж мать, грёбаного брака.

За эти годы я была отличной женой, горячей любовницей и ответственным партнёром для Рубенского. Наверно, поэтому, ошалев от его слов, я ляпнула самое дурацкое, что вертелось в голове:

– Ириску я тебе не оставлю, – спиц, услышав своё имя, кинулась ко мне. Я подхватила её под пузо и, встав, ушла в спальню.

Гардеробная пугала. Я просто не представляла, что надо забирать в первую очередь. Поэтому вытащила самый здоровый чемодан и стала пихать в него вечерние платья вперемежку с трениками и кедами.

Плакать не хотелось. В глубине души я подозревала, что так может случиться. Каким бы прекрасным ни был наш брак, он жил по принципу взаимовыгодного сотрудничества. Мне нужен был состоятельный мужик, который взмахом руки решал все проблемы, а Мише – красивая образованная кукла. Она могла с одинаковой проворностью смеяться и договариваться с подрядчиками, дружить с женой его шефа и быть личным секретарём. Мы оба получили то, что хотели, только я ещё и любила его.

– Ты даже не поговоришь со мной? – муж стоял на пороге спальни, сложив руки на груди.

– Не вижу смысла, – я достала спортивную сумку и скинула в неё свои документы. – Но если у тебя свербит, так и быть, послушаю...

– Вот поэтому! – он рявкнул так, что Ириска тонко гавкнула. – Ты никогда не можешь без своего этого цинизма. Как будто я трахаю резидента Камеди Клуб! Что бы ни случилось, ты всегда такая! От тебя не дождёшься теплоты, я с тобой замерзаю...

Вот тут надо бы возмутиться. Но меня тоже понесло. Стало обидно. Мне говорит про холод человек, который кроме как приказами общаться не умеет. Чтобы добить трепетную, теплолюбивую натуру Миши, я заметила:

– Раз мёрзнешь, прикрой яйца, а то застудишь! – и пихнула его чемоданом.

В ванной я сгребла в рюкзак всю свою косметику. С кухни прихватила собачий корм. Стянула из прихожей ключи от машины. Вожу я ещё хуже, чем играю роль добропорядочной жёнушки, но и на такси переться в подарочную квартиру, единственную, что оформлена на меня, не хотела.

– Куда ты собралась? – хриплый голос догнал на пороге. – На улице ночь...

– Ну не полярная ведь, – заметила я и открыла дверь.

– Алис, не уходи, нам надо поговорить, – Рубенской попытался схватить меня за рукав куртки, но я пнула его в колено.

– Да пошёл ты...

Я колесила по городу больше двух часов. Погода, словно в насмешку над моими планами, разразилась снегопадом. Но я упорно ездилa от одного банкомата к другому и обчищала все карты Рубенского. Набралось порядка десяти штук баксов. Это лишь моральная компенсация. Одна сотая её часть.

Найти парковку – это квест навывлет. В прощенье за снегопад небеса смилостивились и подкинули местечко на отшибе.

Квартира была пустой. Квартиранты съехали ещё три месяца назад, и тут начался косметический ремонт. Никогда бы не подумала, что так своевременно. Я закатила чемодан в спальню, убрала сумку с наличкой и документами в шкаф. Вернулась на кухню. Чайник прятался в духовке. А чая вообще не было. Сделала заказ в интернет-магазине, что развозит продукты до одиннадцати вечера. Стала ждать.

Реветь по-прежнему не хотелось. Пить тоже. Рубенской, давая мне карт-бланш, ни разу не набрал и не высказал за кредитки. Пожала плечами, глядя в чернильное небо со снежными мухами.

Развод так развод.

Обидно не было. Было... Пусто?

Вся идеальная картина мира рассыпалась, обнажив грязные материи. Я не знала, что дальше делать. Наверно, надо работу поискать, но это после Нового года. Отложенных на снегоход денег хватит на пару месяцев, а потом раздел иму-

щества. Хотя что там делить. Я хорошая жена, потому что тупая. Миша оформлял на себя машину, квартиру, в которой мы жили, загородный дом и ещё две однушки в строящемся элитном комплексе. А мне с барского плеча подарил эту трешку. И то... Как подарил... Мои родители отдали нам свою старенькую двушку в панельке, а муж через год продал её и, добавив денег, купил эту. Конечно, оформил на меня. Ну и всё на этом. И несмотря на то, что все имущество совместно нажитое, я уверена, что муж подстраховался. Мне ничего не достанется.

Разобрав доставку, я навела себе чаю и, скинув простынь с дивана, уселась в угол.

– Ну не помрём, – заверила я собаку. – Не голубых кровей...

Потом вспомнила, сколько стоил собачий ребёнок рыжего окраса, и исправилась:

– Ну я так точно...

А через неделю, открыв дверь своими ключами, заявила Олеся.

Медноволосая и вся какая-то солнечная, подруга олицетворяла божью кару, потому что раздвинула шторы, щёлкнула чайником на кухне и стала напевать: «Мне пох, пох... Тебя люблю, но веду себя...» Я накрылась подушкой, а сверху для надёжности одеялом.

– Алис, ты вообще меняешь эти треники? – она дёрнула меня за штанину, которая в процессе прыток оказалась сна-

ружи постельного кокона. – Не удивлюсь, если ты ещё и в душ не сходила ни разу...

В душ я ходила. Дважды в день выбиралась на улицу, чтобы выгулять Ириску. Но на этом всё. Неделя слилась в непонятную череду из рассветов и закатов, одноразовой посуды и поганого кофе с ментоловыми сигаретами.

– Лидия позвонила вся нервная и истерично заявила, что ты покончила с собой, потому что Миша, вроде как, разводится, а про тебя не известно ничего уже неделю.

Лида, жена шефа бывшего мужа, была очень дружелюбной. На моём фоне – добрая фея: посочувствует, пожалеет. Олеся же работала юристом и иногда брала дела по металлургическому заводу, поэтому все мы были повязаны. И если с рыжеволосой бестией меня связывала школьная жизнь и дальнейшая дружба, то Лидия появилась недавно, но как-то удачно влилась в нашу компашку. И ничего странного, что подруга узнала о моём разводе от неё.

Диван промялся. Одеяло сдёрнули, и я не хуже графа Дракулы зашипела, но получила по зубам, то есть в зубы сунули бутерброд, а в руку чашку с чаем.

– И долго будешь страдать? – Олеся рассматривала меня с вниманием энтомолога, которому попалась новая бабочка. Грязная, с оторванными крыльями, но такая незнакомая. – Нам ещё твоего муженька обчищать... Я исковое составила, жду твоего слова.

Чистить никого не хотелось. Бороться тоже. В этом я и

призналась, но подруга обидно рассмеялась.

– Ты серьёзно? – она усадила на колени собаку. – Не знаю, чего ты там себе придумала, но мы с Лидой против. И вообще, хорош хандрить. Поехали вечером в ресторан. У меня такой мужик наклёвывается...

С точки зрения морали её амурные дела для меня сейчас, как керосин в мангале, не к месту. Но Олеся всегда считала, что лучший способ забыть хахалю – упасть в объятия к принцу. Она вытянула меня из постели и засунула под душ. Прямо в трениках!

– Учти, я испорчу тебе свидание! – рывкнула я в закрытую дверь, стаскивая промокшую одежду. И ещё подумала, что лучше бы подруга мне работу помогла найти, чем с энтузиазмом водила по барам.

Принца Олеси звали Анатолием. Он был статен, важен и смазлив. Мне не понравился, поэтому мысленно я окрестила его Упырём. Но подруга млела и несла такую пургу, что снежная буря на выселках удавилась бы от зависти. А я вспоминала.

Похожий ресторан. Уровнем пониже, конечно. Где сидели студенты после удачно закрытой сессии. И я, выходящая из дамской комнаты. И он, что нахально остановил меня.

– Красотка, принеси вон за тот столик ещё выпивки, – он указал на большую компанию молодых парней и фривольно засунул за бретельку моего топа стодолларовую купюру.

Я осмотрела парня. Темноволосый, весёлый, с бешеными искрами в глазах, и не сдержалась от колкости:

– Да мой господин, – хлопнула ресницами, – может быть, ещё и оральных ласк закажете?

Меня ждали подружки, и нахал, что так неудачно обо-знался, приняв меня за официантку, мешал приятному ве-черу.

– А ты можешь? – оторопев, спросил он, уже вниматель-нее разглядывая и мою короткую юбку, и облегающий топ, и собранные в длинную косу тёмно-русые волосы.

– Конечно, – совсем по-идиотски кивнула я головой, – в конце смены у служебного входа...

Тогда я рассчиталась за столик его сотенной купюрой. И свалила из ресторана раньше всех. А через пару дней на вы-ходе из универа он меня поджидал.

– А как же ласки? – потёртые джинсы и серое пальто.

– А разве у служебного входа не стояли шлюхи? – наиг-ранно удивилась я, проходя мимо открытой дверцы старень-кого Сузуки.

– Я думал, там будешь ждать ты.

– Как вы, однако, дёшево оценили бакалавра юриспруден-ции... – не сбавляя шагу, заметила я.

– Там была сотенная купюра, – дотошно уточнил парень, следуя за мной, – ни одна девочка по вызову столько не сто-ит...

– Какой вы неприхотливый, – взмахнуть рукой, ловя так-

си, – элитная девочка стоит дороже.

– Сколько? – схватив меня за руку и развернув к себе лицом, зло спросил парень, видимо, приняв меня за ту самую, не обременённую моралью.

– Мне откуда знать?

Я расцепила его пальцы и юркнула в подъехавшую машину. А на следующий день возле универа стоял курьер с букетом эустом и запиской: «Не знаю сколько стоят элитные девочки, но бакалавр юриспруденции бесценен».

Миша ухаживал за мной полтора года, а потом в один из золотых сентябрьских дней позвал замуж.

– Алиса, – отвлёк меня Упырь. Я моргнула пару раз, фокусируясь взглядом на Анатолии. – Может, тебе вызвать такси до дома?

– Так не терпится уединиться? – сварливо осведомилась я, входя в роль ворчливой дуэньи. Мужчина белозубо оскалится.

– Да, – честно признался он. – А с тобой это как-то... Не получается.

Вот не зря он мне не понравился. Мерзкий обаятельный тип, который кружит головы всяким дурочкам. Хорошо, что Олеся таковой не являлась, и я, обнаглев, выпалила:

– За сто баксов уединяйтесь хоть в уличном сортире, – его глаза округлились.

– Да столько ни одна девица не стоит!

– Вот именно, – поддакнула я, противно всасывая через

трубочку коктейль, – но я ж не про какую-то там девицу сейчас говорю...

– Пятьдесят...

– Ты ещё торговаться вздумал? – возмущение было таким праведным, что сама себе поверила. – Сейчас разрыдаюсь на почве собственного развода и вообще не увидишь Олесю в ближайшие пару месяцев...

Анатолий имел деньги. Ресторан, в который он пригласил, обладал очень дорогой репутацией. И часики, что блестяли на его запястье, не в переходе куплены. Знаю. Я такие присматривала Рубенскому, но снегоход оказался дешевле. И торговалась я лишь из желания убедиться в этом.

– Хорошо, – порывисто выдохнул он, а у меня дёрнулся глаз, – диктуй номер телефона, налички нет.

– Погоди-погоди, – затормозила я благотворительный момент. – Ты дашь мне денег, и я просто уеду домой, так? Никаких гарантий и «мелких шрифтов»?

– Ты точно не дьявол? – он изогнул бровь. – Торгуешься, как будто я душу закладываю...

– Ну зачем мне твоя душа, вот если бы речь шла о почках... – я многозначительно просверлила его взглядом, демонстративно останавливаясь в области чуть ниже рёбер.

– А ты уверена в своём божественном происхождении? – Упырь прищурился.

– Вне всяких сомнений, – заверила я, вернувшись к коктейлю. – Но ты же помнишь, что Люцифер тоже был анге-

лом?

– Падшим.

– Ровно, как и женщина, за которую ты сейчас принимаешь Олесю, – парировала я, не давая загнать себя в словесную ловушку.

– И которую ты за сотню баксов продаёшь...

– Все мы не идеальны... – развела руками я и, дождавшись пополнения счёта, встала из-за стола. По пути к гардеробу написала СМС подруге: «Пока ты там пудришь носик, твой рыцарь заплатил мне сотку, чтобы я оставила вас наедине. Если что, я в соседнем ресторане».

Через полчаса подруга соизволила ответить: «Езжай домой, я его почти окрутила!»

Вот вам и современные отношения: все хотят друг друга, а я выступаю в образе торгаша...

Спиридонов пригласил на день рождения. Я фыркнула и удалила сообщение. Олеся, которая с обеда околачивалась у меня, засуетилась и решила, что мне необходимо там появиться, ведь бывший муж тоже будет. В этот момент я осознала, что либо она так радеет за сохранение моего брака, либо не хочет начинать процесс делёжки имущества.

– Кстати, – вспомнила я свидание недельной давности, – как у тебя с Анатолием всё прошло?

– Замечательно, – усмехнулась она, занырявая в недра шкафа и вытаскивая один за одним вечерние платья. – С

утра я ему оставила записку, что всё было хорошо, и две тысячи рублей...

– Зачем? – я увернулась от лифчика, что сорвался в полёт вслед за плиссированной юбкой.

– Оплатила ночь, – хрюкнув от смеха, пояснила подруга, и мы в голос расхохотались.

Через три дня уговоров и угроз медноволосая жрица закона уломала меня. Даже сама гардероб на выход подобрала, обрядив мою скромную персону в узкие джинсы с дырками в самых загадочных местах и белую мужскую рубашку с португеей. Последняя нервировала больше всего. Вид был, словно я сбежала с тусовки бдсмщиков или тайно работаю в ментовке. Подруга визжала, что это последний писк моды. Ну, куда мне, селу неасфальтированному, до предсмертных криков полоумной бестии.

Вася праздновал своё тридцатилетие в небольшом уютном ресторанчике, что располагался в одном из парков города. Атмосфера интеллигентности и уединённости. Я мельком задумалась, откуда у этого гения деньги, чтобы снять целый ресторан, но потом рассудила, что не моего скорбного ума это дело.

– С днём рождения, Спиридонов, – сказала я без пафоса, протягивая томик стихов Бродского в подарочном переплёте и с заначкой из трёх сотен баксов внутри. – Я хотела подарить носки, но в них некрасиво запаковываются деньги...

– Спас-сибо, Алис, – выдал поэт в попытке меня обнять.

Я закатила глаза и смиренно стерпела его трепыхания. Хотя стерпела – громко сказано. Нормальная хватка была у Васи, никаких жеманностей и соплей. Я немного растерялась и ещё раз оглядела друга бывшего мужа.

Наташенька пошла ему на пользу: нежно-голубая рубашка с подвёрнутыми рукавами, стильные брюки глубокого синего цвета и подтяжки, которые добавили образу аристократичности. Физиономия, в кое-то веки бритая и оказавшаяся довольно милой. Не той слащавой напыщенностью, а обычной мужской привлекательностью. Вечно торчащие в разные стороны вихры зачёсаны назад, отчего стали видны выбритые виски. Неплох. Вот что делает с мужиком правильно выбранная женщина.

Именинник проводил меня к столику и пошёл встречать остальных гостей. Я рассматривала убранство и своих соседей. Один чопорный седовласый мужчина, женщина сорока лет и девушка моего возраста.

А потом в зал вошёл Миша. Я резко отвела глаза и уставилась на подвесную люстру. Прокляла и себя, и Олесю, и Спиридонова. Хотелось встать и уйти, но, вдавившись в спинку стула, я проговаривала сама себе, чтобы не смела и шагу ступить в сторону выхода. Бывший муж прошёл мимо. Хотелось думать, что не заметил, но когда прозвучал голос ведущего, я нечаянно оторвалась взглядом от интерьера и столкнулась с насмешливой улыбкой и отсалютовавшим мне бокалом. Волна злости полыхнула в голове. Подняв фужер с шам-

панским таким образом, чтобы средний палец недвусмысленно намекал на посыл, вернула благоверному приветствие.

Глава 3

В середине вечера, когда все прилично расслабились, а именинник надрался и стал читать собственные стихи, я решила, что с меня хватит. По стеночке, прячась от резвого ведущего, который уже трижды пытался меня уломать сыграть в бутылочку и карандашик, я просочилась в фойе. Присела в кресло и вызвала такси. Оно не ехало по причине плохой погоды.

– Верни машину, – раздался сбоку голос Рубенского. Я вздрогнула и предложила:

– Поцелуй себя в зад, – бывший муж сморщился.

– Не тебя? – уточнил он, присаживаясь напротив.

– Нет, ты это погано делаешь...

Ему шёл этот костюм. Приталенный пиджак кофейного цвета, кремовая рубашка с расстёгнутым воротом и узкие брюки.

– В этом вся ты, – снова начал старую песню Михаил. – Вспомни, что ты мне сказала, когда я признался тебе в любви... «Не уверена, что это взаимно, но я попробую с этим что-нибудь сделать».

Он передразнил меня, а я парировала:

– А какой нормальный человек признаётся в любви на похоронах деда?

– Ну не своего ведь...

– Вот именно, Миш, – я психанула и вытащила из сумки сигареты, – я соплями задыхалась, а ты: «Я люблю тебя». Да в гробу я видала такие признания!

– И сейчас ты опять делаешь это, – он придвинулся и протянул зажигалку. – Ты никогда не признаёшь своего поражения. Ни тогда, ни сейчас. Тебе вообще нормально?

– Нет, у меня изжога, – огрызнулась я.

– Ты как загнанная волчица, – он задумчиво потёр подбородок, – даже когда валяешься вся в крови у ног охотника, всё равно стараешься посильнее укусить. Тебе больно, а ты продолжаешь бравировать и хамить. Ты думаешь, так все женщины себя ведут при разводе?

– Нет, они обычно рвут на муже волосы и проклинаят до седьмого колена. Так что заметь, как тебе повезло, и не пытайся забрать машину.

Этот разговор стал напрягать. Настолько, что я психанула и ушла в гардероб за верхней одеждой. Стоя на пороге ресторана, я продолжала обновлять приложение с такси. Миша вышел минут через пять.

– Ты ведь даже не пытаешься исправить ничего... – он поднял воротник пальто. В свете ночных фонарей и снегопада он был похож на того парня, в которого я влюбилась семь лет назад.

– Зачем? – выкрикнула я. – Это не я хочу с тобой развестись...

– Затем, что, может быть, мне было бы проще... – он поднял голову и рассматривал ночное небо. – Проще признать, что я ошибся, что запутался, что ты другая, просто боишься показать слабость, что тебе тоже больно...

Я не понимала к чему он ведёт. И не хотела признавать, что да, мне больно, плохо, что я всё это время молча выла в подушку, что меня выворачивало при мысли быть с кем-то другим, кроме него. Но также не собиралась тешить его самолюбие. Он хочет быть хозяином жизни, положения, жены. А я...

– Знаешь, Миш, – я подошла вплотную и уловила аромат его парфюма, который сама и выбирала, – мужчина должен быть таким, чтобы ему без труда доверилась слабая и без оглядки покорилась сильная... Делай выводы...

– Какие? – его глаза отразили снежный поток.

– Ты недостаточно хорош, чтобы я позволила себе слабости, и недостаточно силён, чтобы я вверила свою жизнь в твои руки.

Гости вывалились на порог ресторана всей гурьбой. Кто-то толкнул меня в бок, дородная тётка попыталась наступить на ногу. А я смотрела вслед уходящему мужчине с поднятым воротником и, наверно, ощущала боль. Саднящей раной внутри. Сжигающей остатки гордости.

Хотелось рвануть следом, схватиться за его пальто, уткнуться носом в родную грудь. Но я стояла. Миша хотел,

чтобы я сказала, что мне плохо без него. Я хотела, чтобы он говорил про то, что по-прежнему любит, что сглупил, ошибся и его слова всего лишь слова. В них нет чувств. Но он промолчал и ушёл.

– Алиса, вот вы где! – меня аккуратно подхватили под локоток. Обернувшись, я увидела Наташеньку. Она была взбодражена и расстроена. Над головой громыхнул залп салюта. Честно, такой моветон – на праздновании запускать фейерверки, но против именинника не попрёшь.

Разбираться в душевных перипетиях Натали и Васи не было никакого желания. Я просто молчала, мысленно призывая ее одуматься. То ли моя ментальная связь была хилой, то ли у нее нереально горело.

– Я, признаться, не знаю, как начать... – сказала она, уводя меня от толпы.

– Начни как-нибудь, а там разберёмся, – со вздохом предложила я.

– Понимаете, Вася, он такой, такой...

В её словах не было восторженности. Так скорее говорит замученная жена мужа-алкоголика, на которой висят ещё трое детей.

– Он ведь пьёт постоянно, – наконец призналась она, – или по уши в работе, причём это страшнее. Он не ест, не ходит в душ, только сидит за компьютером и пишет что-то... А сейчас...

Я поискала взглядом объект обсуждения и заметила, как

Спиридонов в расхристанном виде бегают по снежному газону с елями и, огибая каждую, кричит в темноту: «Наташенька, ау!». Ей-богу, как в той советской сказке, где герой так же носился по лесу и говорил в чашу: «Настенька!», а та ему отвечала: «Алёшенька...».

– И ведь одно дело встречаться, а другое замуж за такого человека... – бубнила над ухом мечта поэта.

– Вот-вот, – поддакнула я, наблюдая, как именинник косой походкой бредёт к компании незнакомых мужчин.

– Но вы же сами говорили...

– Что я говорила? – хлопнув глазами, переспросила я.

– Ну, чтобы мы попробовали...

– Так попробовали перепихнуться, а не ярмо на шею вешать...

Вася приблизился к ребятам и, танцуя локтями, пролез внутрь круга, который образовали мужчины в процессе разговора. Как на посиделки к двенадцати месяцам заглянул.

– Но это же... Как-то... – замялась девушка. – Но вот вы же сами замужем.

– Уже нет. И поверь мне, там ни черта хорошего нет. Не понимаю, почему все туда так рвутся...

– И что же мне делать? – промокнув платочком глаза, спросила Наташенька.

– Вообще то, что хотите, – я застегнула пальто. – Любите – выходите замуж и несите крест. Если нет – не тратьте время.

Вася что-то втолковывал незнакомцам, размахивал рука-

ми, а потом схватился за ремень брюк, расстегнул оный и начал... Вот идиот!

– А сейчас рекомендую вызвать ментов, – буркнула я, направляясь в сторону компании оцепеневших мужиков.

Отбить Спиридонова удалось с лёгкостью. Да чего уж там. Мужчины оказались не какими-нибудь гопниками, а вполне цивилизованными интеллигентами. Как иначе объяснить, что на мою просьбу не бить дебошира сильно они уверили меня в том, что он и так наказан отсутствием мозгов, и помогли затащить пьянчугу в ресторан. Гости неровной струйкой испарялись. Я, не дождавшись такси, решила съесть кусок торта и поплатилась за это участием в почти семейной разборке. Наташенька, возбуждённая и сильно покрасневшая, кричала на Василия. Он пьяно отмахивался. Она не успокаивалась и требовала прекратить пить. Ему было наплевать, и он хлестал коньяк из горла. Развязкой стала фраза:

– Я ухожу от тебя! – прозвенел в пустом зале голос девушки. Спиридонов поднялся со стула, потерял равновесие, уцепился за спинку и рывкнул так, что я выронила вилку:

– Ну и хрен с тобой!

Пьяный Вася сопел мне в колени. До сих пор не могу понять, как меня так ловко окрутили, что пришлось увозить тело поэта домой. Хотя чего уж тут понимать...

Когда моё такси несмело моргнуло фарами, из ресторана вывалился, в прямом смысле, пропахав последние несколько

ступенек задом, именинник. Спиридонов с таким нахрапом лез в нанятую машину, что я оцепенела, пытаясь сообразить, как он намеревается через окно проникнуть в салон. Но тут очухался водитель и стал орать, что такую пьянь он никуда не повезёт. На мои доводы, что я всё оплачу, только адрес другой, он почти ударился в истерику, и мне пришлось следом за литературным гением грузиться на заднее сиденье. Таксист хмыкнул и заявил, что если хоть раз тело решит испржниться – пойдём пешком.

Вася, разглядев в салоне "Тойоты" знакомое лицо, совсем ополоумел и полез целоваться. Я приложила его сумкой, и он, пробурчав, какая я вредная, уткнулся носом мне в ноги, а потом и вовсе захрапел.

Отдельной главы достойно повествование взгромождения на третий этаж без лифта. Спиридонов оступался, вис на мне и лапал. На втором лестничном пролёте его перекосило основательно, и он попытался просунуть свои ручки мне под пальто. Не справившись с пуговицами, он вдавил меня в перила и, уткнувшись в шею, дыхнул перегаром:

– Как же от тебя вкусно пахнет, Алис...

– А от тебя не очень... – выдавила я, стараясь дышать через раз, чисто из-за боязни опьянеть от паров алкоголя.

Спихнув с себя невменяемое тридцатилетнее тело, которое всегда казалось мне тщедушным, а сейчас стало невероятно тяжёлым, попросила Васю не будить соседей и подниматься дальше. С ключами тоже произошла заминка. В кар-

манах его пальто их не оказалось, и я, содрогаясь, полезла в штаны. Спиридонов, приваленный к стене, похабно заржал, отчего я не выдержала и пихнула его локтем под рёбра.

В коридоре мы должны были растянуться: поэт схватил меня поперёк талии и попытался внести в квартиру на руках. Не то чтобы я была тяжёлой, скорее носильщик подкачал. Выпутавшись из его конечностей, я толкнула Васю внутрь и зажмурилась. Тело рухнуло. Я приоткрыла дверь и закатила глаза при виде умильной картины начинающего храпеть гения.

– Спиридонов, – наклонилась я, – поднимайся и шуруй на диван.

Ещё пару минут побарахтавшись в узкой прихожей, он выполз в зал и облокотившись спиной о кресло, засмеялся. Мне стало не по себе... Не каждый день дело имеешь с психами.

– Я тебя так сильно люблю, Алис, – между всхлипами смея проворчал он. – Но все бабы одинаковы...

Мужской бред не впечатлял. Хотелось развернуться и уйти, но вместо этого я сходила в ванну и принесла зелёный тазик. Бухнула его возле Васи. Навела за водой в кухню и пошуршала в аптечке. Уголь нашла и, прикинув вес поэта, наковыряла десять таблеток. Глотать абсорбент не захотели. Я оставила пригоршню на столике.

– Все вы только одного и хотите, – он стягивал пальто, сидя на полу, – деньги, деньги, деньги... Ты ведь ничем от

других не отличаешься... Тебе тоже от Миши одни деньги нужны были...

Не понимаю, почему я стояла и слушала алкоголика, в котором явно говорили этиловые возлияния, а не мозги. Наверно, в цирк захотелось.

– Ты даже познакомилась с ним, уведя у него деньги, – он рассмеялся, и в хриплом мужском смехе свербела обида. – Ты ничем не лучше, а я вот люблю... Ты продажная, Алис...

– А ты хреновый поэт, Вась! – и хлопнула входной дверью, заперев ее снаружи.

Глава 4

От телефона меня отвлек звонок в дверь. Занимаясь выбором подарков к празднику, я не сразу сообразила, что звук доносится из коридора. Вставать и открывать не спешила, решила дать время неизвестному камикадзе одуматься, но не срослось. К переливчатым трелям добавились удары.

Ириска рыжим пропеллером носилась под ногами, обливая позднего гостя. Я посмотрела в глазок. Не узнала.

– Открой, – рывкнуло снаружи. Я опешила и голосом Лолиты, не той, что Милявская, а которая Набокова, шепнула в косяк:

– А взрослых нет... – вспомнила, что мне двадцать шесть, и выругалась.

Провернулся замок, и в узкую щель потянуло морозным воздухом.

– Чего тебе? – сварливо спросила я Спиридонова, который топтался и отряхивал с кроссовок мокрый снег.

– Непустишь? – он сложил руки на тощей груди, стараясь выглядеть угрожающе. Я с сомнением приподняла бровь.

– Нет!

Я уже вознамерилась хряпнуть дверью в лучших традициях, но этот серверный олень просунул ногу в щель. Сузив глаза и поджав губы, я снова задала тот же вопрос:

– Чего тебе?

Мужчина взглянул на меня исподлобья. На физиономии разливалось какое-то печальное отчаянье вместе с тёмными кругами под глазами.

– И-извиниться хочу за вчерашнее, – заикнувшись, признался он.

– Мне не нужны твои извинения...

– А мне нужно твоё прощение, – постарался мягко улыбнуться и сделать глазки кота из Шрека. Я не оценила и ещё раз дёрнула дверь. Непризнанный гений вздохнул и убрал ногу у меня с дороги. – Алис, пожалуйста...

Хряпнуть дверью, как крышкой гроба, не получилось. Пришлось тихонько закрывать.

– Алис, нам надо поговорить... – услышала я снаружи квартиры.

И этот туда же... Почему на моём жизненном пути появляются только мужчины, которым отчаянно хочется поболтать? Почему, к примеру, не отвезти молча девицу на Мальту. Ну или в гробовом молчании положить на плечи новую шубу. Да на крайний случай и колье на шею пойдёт.

Вася из поэта переквалифицировался в дятла. Он стучал, стучал, стучал. В итоге на стук вышла бабушка – соседка – и всё смолкло. Я посмотрела в глазок: понурый Спиридонов что-то объяснял Нине Викторовне. Через пару минут она ушла, а у меня звякнул телефон смской: «Алис,пусти такого милого мальчика, ну что издеваешься?»

Меня подхлестнуло волной злости. Звякнули ещё раз

замки, и я, схватив Василия за рукав дублёнки, втащила его в квартиру.

– Доволен? – рявкнула я. – Иди ещё весь подъезд оповести, какая я нехорошая. И продажная. И вообще...

– И вообще, Алис, прости меня, – он схватил за руки, зажимая мои ладони в своих. – Я дурак. Вчера – пьяный дурак, который помнит только треть. И я наговорил лишнего. И не должен был... Алис, прости...

В порыве психа я выдернула у него свои руки и прошаркала в спальню. Закрыла дверь и села на пол. Звуков из коридора слышно не было. Но потом звякнула посуда. Литературный гений появился бесшумно с двумя бокалами. Внутри плескалось или виски, или коньяк. Один бокал поставил возле моих ног, а сам сел напротив, почти копируя мою позу.

– Прости...

– Ты повторяешься, – ехидно перебила я.

– Нет, – он потёр лоб, стянул очки с лица. – Сейчас я извиняюсь не за вчерашнее, а вообще...

– Превентивно?

– Нет, – он подтянул серые треники и скрестил ноги, уперев локти в колени. Подбородок положил на сцепленные в замок пальцы. – Я извиняюсь за то, что молчал. Всё знал и ни намёком, ни словом не предупредил. Извиняюсь за то, что трус, обыкновенный трус, который не способен был на предательство... Но всё равно предавал. Тебя...

– О чём ты? – мои нахмуренные брови встретились у пе-

реносицы.

– Алис, у него другая женщина... – он спрятал лицо в ладонях. – Уже около двух лет у твоего мужа любовница. И сейчас... Она беременна, Алис...

.

Глава 5

В моей голове его речь прозвучала, как бла – а бла – бла, бла, бла-а-а. Видимо, это как-то отразилось на моей обескураженной физиономии, потому что Вася усмехнулся и пояснил:

– Я не ломал рук, Алис, – взъерошил русые волосы, – у меня не аппендикс и Миша не был у меня сиделкой. Я никогда не лечился от алкозависимости и твой муж не поддерживал меня тогда, не жил со мной в том санатории...

– А где же ты был? – ещё не веря в услышанное, ошарашенно спросила я. – Я же две недели ездила поливать твои бегонии...

– В Краков летал, на конференцию... – недоумённо обронил он, а я обидно рассмеялась. Так, что сама испугалась этого истеричного смеха.

– В Краков? – ещё давясь весельем, переспросила я. – Вась, откуда у тебя деньги на заграничные поездки, ты живёшь в бабкиной квартире, пьёшь самогон...

– Если я живу в задрипанной квартирке с советским ремонтом, если ты меня всегда видела в затрапезном виде, если я не шастаю каждый день в офис, это не говорит, что я нищий, – раздражённо и зло выдал он. А я умолкла. – Ты ведь даже не знаешь, чем я занимаюсь, но свято веришь, что я прозябаю впроголодь... Ах да... Миша же тебе рассказы-

вает, что помогает мне... Алис, он не мне помогает, он любовницу свою содержит...

Я обхватила себя руками и стала медленно раскачиваться. В голове не укладывалось, я отказывалась верить в то, что уже два ношу ветвистые, щедро возвращённые витаминами кальция и супружеским блудом рога.

– Или полгода назад он ездил в Екатеринбург договориться о сотрудничестве... Нет, Алис...

Спиридонов сыпал фактами, датами. А я шептала себе внутри: «Только попробуй разреветься...» Миша никогда не хотел детей. У него с этим сложно, он не готов был. Отговаривал меня. Даже собаку подарил, чтобы потренировалась. Но всё равно всегда подчёркивал, что не хочет детей. А тут оказывается...

– Зачем этот цирк с двойным свиданием? – невпопад спросила я.

– Я надеялся, что он сольётся... – Вася так же сидел напротив меня, только голову запрокидывал к стене и изредка ударялся ей. – Или не сольётся, но я наберусь смелости всё рассказать... Он попросил его прикрыть в этот Новый год. Хотел уехать за город... Тогда я понял, что больше не могу... Не хочу в этом участвовать...

– Уходи, Вась...

Василий ушёл. В другую комнату. А через час вернулся и попробовал закинуть меня на кровать. Я не сопротивлялась.

Сама встала и залезла под одеяло. К двум часам ночи он снова явился и стал пихать в меня таблетки. Вот тут проявился мой бунтарский характер. Пока примерялась, как ловчее украсить его запястье цепочкой своих зубов, он извернулся и засунул успокоительное мне в рот. Зажал его. Пришлось глотать. В четыре утра на прикроватной тумбочке материализовался чай. А в шесть я уснула. То ли боль поутихла, то ли переквалифицировалась в злобу, а злиться всегда приятнее выспавшись.

Полдень встретил тишиной. На кухне стоял завтрак в одноразовых контейнерах. Спиридонова я повысила в звании от непризнанного гения до северного оленя, подвид придурковатый.

Злость и обида, вкусив мирской пищи, затребовали отпущения. Я не знала, что надо сделать, чтобы ударить побольнее своего супруга, поэтому начала с мелочей. Выставила в соцсеть свои фото с будуарной съёмки. Я снималась в этой фотосессии, чтобы порадовать его и разнообразить наши переписки, но не срослось.

– Как дела? – наигранно спокойный голос Рубенского в трубке настиг ближе к вечеру.

– Пока не родила, а когда рожу – не скажу, – хотелось орать в телефон, какой мой благодетельный подлая скотина, но я стойчески стискивала зубы. Не иначе как успокоительное действовало.

– Что? – надломился голос Миши.

– Что? – непонимающе переспросила я, цедя с присвистом чай.

– Повтори, что ты сказала...

– А что я сказала? – продолжала тупить я.

– Ты беременна? – и было в вопросе столько раздражения, непонимания...

– Я не хочу отвечать на такие вопросы левому мужику...

– Я твой муж!

– Бывший, – дотошно уточнила я. – Чего тебе надо?

В трубке пропыхтели, не иначе как тоже хотели орать, но повода не представилось.

– Ты что творишь? – похолодел голосом Михаил. – Почему твои откровенные фотки висят в сети?

В фото не было ничего откровенного и непотребного. Обычная съёмка в нижнем белье, сорочках, в ванне с обнажённой спиной. Как по мне, невероятно целомудренно.

– А тебе твоя любовница не даёт, что ты полез шариться по соцсетям? – раскрыла карты я.

– Не твоё дело... – начал было супруг, но я перебила:

– Моё. Знаешь ли, сшибать люстры рогами неприятно...

– Удали фото, – рыкнула трубка. – Не хватало ещё, чтобы весь завод ходил и судачил про жену заместителя.

– Бывшую жену... – внесла коррективы я. И опять вернулась к его интрижке. – Слушай, а как тебе ребёнка удалось сделать с твоим одним разом в три дня? Резинка порвалась?

– Тебя этот один раз устраивал! – завёлся мужёнок.

– Я просто не знала, что Вася может трижды за ночь...

– Дрянь! – рявкнул Рубенской и положил трубку. Конечно, некрасиво так проставлять Спиридонова, но ведь в древности казнили гонца, принёсшего дурную весть, а теперь пусть только немного пострадает.

К вечеру мою страницу в соцсети заблокировали. К утру мне удалось её реанимировать. Ближе к полудню у меня увели машину. Я только и успела понять, что её открыли дубль-ключом, как она пронеслась мимо подъезда, а мне из салона, нахально показав один интернациональный жест, отсалютовал Миша. Ну всё...

Через пару дней Лидочка слила информацию, что её муж с моим бывшим свалили в Москву в командировку. Я вооружилась службой перевозки и выгребла всю квартиру. Даже простыней не оставила. А что оставила, так – не моё... Хотела утащить матрас ортопедический, но уже не влезло в третью по счёту машину. Плюнула.

– Какого чёрта? – проорала трубка голосом Рубенского через день.

– Двурогого, – меланхолично отозвалась я, раскладывая чашки и тарелки по полкам. Признаться, погорячилась. Не стоило все вещи вывозить, моя квартира просто не может их расположить. Но и оставлять ему свои сатиновые простыни, сшитые на заказ, я не могла. Хотя если он на них делал детей не со мной...

– При чём тут двурогий? – устало уточнил телефон.

– При всём, он солидарен со мной. Как-никак, мы с ним одного вида, у обоих между ушей рога.

– Ты не успокоишься?

– Я не заводилась... – чашка выскользнула и с грохотом покатила по ламинату.

– Чего ты хочешь? – спросил Миша, тяжело вздыхая.

– Глобально? Чтобы у тебя отсох язык, руки и детородный орган. А вообще... – я прикинула, что можно выжать из развода... – Машину, дом и однушку, одну из двух. Ну и мою квартиру, которую мне родители подарили.

Михаил обидно заржал, а я сцепила зубы.

– Не оборзела? – наконец успокоившись, спросил он.

– Считаю это компенсацией за твои похождения.

– Ты ничего не получишь...

– Ты даже не извинишься? – не нужны мне были его извинения, интересно стало.

– За что? За то, что ты сама подвела меня к измене? За то, что видела во мне денежный мешок? За то, что плевала на меня. Напомни, что ты сказала, когда мне вытащили камень из почки?

– Поздравляю, теперь ты один из немногих, кто прочувствовал всю прелесть схваток, – сама себя процитировала я.

– Да! – холодно подтвердил муж. – По-твоему, так должна себя вести любящая жена?

– А как? – мне реально стало любопытно. – Носиться и причитать? Лечь рядом в гроб? А может, она должна была

вызвать скорую, отвезти тебя в лучшую частную клинику, выдернуть ведущего уролога из отпуска, привезти из-за города анестезиолога? И всё ради того, чтобы уже наутро этот грёбаный камень лежал в коробочке из-под анализов... Мне кажется, это реально лучше, чем соплями тебя умывать...

Миша замолчал. Я тоже. В руках подрагивала тарелка из итальянского сервиза. Я его припёрла с блошиного рынка Болоньи и невозможно любила за винтаж. Чтобы избежать казуса, отложила посуду и села на стул, всё ещё прижимая трубку плечом.

– Так чего тебе не хватало? – решила спросить я.

Всё ещё тишина. Но потом выдох и обречённое:

– Не знаю, Алис... Я не знаю...

Глава 6

– Сволочь! – выдала Олеся, неуклюже раскачиваясь на детских качелях у меня во дворе. Ириска носилась, как после энергетика, и облаивала здорового дога, тот флегматично игнорировал её. – Не, ты глянь, какая сволочь! Мало того что кобелина, так ещё и шмотки пожалел.

Подруга икнула и передала мне бутылку шампанского. Пить не хотелось, но обстановка располагала. Вечер, снег, детская площадка и две дуры с игристым.

– А давай... – рыжеволосая гарпия задохнулась от гениальной идеи. – Давай машину ему разрисуем?

– Тебе в садике не хватило раскрасок?

– Хорошо, давай накарябаем...

– Зачем? Если она достанется мне, потом и ремонт делать мне.

– Ладно, тогда хоть одно колёсико может, спустим?

Она молитвенно сложила руки перед грудью, а я уронила лицо в ладони. Да послал же бог друзей, с такими и врагов не надо.

Первой ошибкой за этот вечер была бутылка алкоголя. Я это осознала на пути к своей квартире, сидя в такси, под кудахтанье Олеси, что мы-то ему уж покажем. Что покажем, старалась не уточнять, размах фантазии подруги колебался от стриптиза на снегу до водородной бомбы под дверью.

На парковке пьяный юрист быстро разыскала наш "Ниссан". Поскольку машина была внедорожником, напакостничать просто так не получалось. До лобовухи было не дотянуться, а колёса это неблагородно.

Телефон тренькнул, и я поспешно приняла вызов. На том конце пищала Наташенька – мечта поэта. Она в слезах рассказывала, что Василий сошёл с ума, грозитя идти драться или бороться за что-то, а если ему помешают, он выпрыгнет из своего окна. Я порекомендовала психдиспансер и бригаду медиков для буйнопомешанных.

Скинув звонок, развернулась и обомлела. Олеся жирной неповоротливой гусеницей распласталась по капоту машины, и только ноги истерично подрагивали в такт поступательных движений. Я бросилась к ней, схватила за сапог, но подруга вцепилась в стеклоочистители, норовя выдрать их к чертям собачьим с ошмётками металла. Почувяв моё смятение, она тряхнула ногой, и я повалилась в снег, всё ещё сжимая в руках труд итальянских кожевенных мастерских.

Сняла я её только после того, как она размашисто украсила стекло красной помадой и надписью... Ну, из трёх букв, короче.

– А кто звонил? – подруга сползла улиткой с машины.

А вот здесь я совершила вторую ошибку.

– Спиридонов надрался и хочет самоубиться.

Сидя в такси на пути к дому поэта, я размышляла, что проще было бы дать подруге карт-бланш и свалить в закат.

Были подозрения, что этот северный олень очень неплохой манипулятор и актёр. Я вообще старалась не думать о Ваське после нашего ночного разговора, ибо сразу возникало желание придушить засранца. С одной стороны, его правда, они друзья и сливать Мишу он не был обязан. А с другой... Это какой лицемерной тварью надо было быть все эти два года, чтобы, улыбаясь мне, осуждать действия друга, но молчать. Либо ему было выгодно моё неведение, либо стало выгодно моё знание. Почему-то не отпускали его пьяные слова: «А я люблю...». Кого он любит, не хотелось уточнять, но очень надеюсь – не меня, куда мне ещё такой болезный сдался.

Квартира Спиридонова встречала криками и морозным воздухом. Не разуваясь, я прошла на кухню, откуда доносились разговоры. Олеся неспешно топала за мной, трезвея и, верно, сомневаясь в причине прибытия. На подоконнике в майке и трениках стоял Василий, а Наташенька висла у него на штанине, уговаривая не дурить. Он отрекся и цеплялся за раму. Потом распахнул её и полез на карниз. Подруга оттеснила меня. Как бравый спецназовец, она пошла на перехват, то есть вцепилась во вторую ногу. А я, облокотившись на гарнитур, смотрела эту комедию. Девочки дёргали его вниз, он бил себя в грудь и требовал отпустить. Апогеем стало то, что они просто стянули с него штанцы. Оленя это не остановило, и он в портках пытался сигануть с третьего этажа. Как по мне, один чёрт не убьётся.

Тут дамская половина стала заметно нервничать, ибо хва-

тать за трусы неудобно. Но спасение души от самоубийства это богоугодное дельце, поэтому две гарпии повисли уже на нижнем белье. Оно не сдюжило и поползло вниз. Когда мужик разоблачённый понял, что хозяйство замерзает, он зарорал в приоткрытую форточку:

– Чести лишают!!!

Олеся не придумала ничего лучше, чем в этот самый момент схватить Спиридонова за причиндалы и потянуть вниз. Он по-бабьи завизжал. Но попыток не оставил:

– Пустите! Пустите меня! Я прыгну...

В этом гвалте мой тихий голос прозвучал набатом, так что все замерли.

– Прыгай, – спокойно разрешила я, отлепившись от гарнитура и шагнув к окну. Наташенька и Олеся благоразумно отступили. Вася, сообразив, что его не держат, натянул исподнее. – Прыгай, давай...

Я залезла на табуретку. Шагнула на подоконник, который ощутимо прогнулся под весом двух людей. Распахнула створку и повторила:

– Прыгай. – Я толкнула его в плечо, побуждая шагнуть на карниз. – Вперёд...

Схватила за руку псевдомученика. Раскачала, как любят делать дети, когда гуляют с кем-то. Он смотрел на меня со смесью недоверия и печали. А ещё на левом глазу у него разрастался такой хороший синяк.

– А хочешь, я с тобой прыгну? – предложила я, бросив

его ладонь, и наклонилась, чтобы выбраться наружу. Меня с силой дёрнули за талию, ногти опасно проскрежетали по пластику. А в следующий момент – секунда свободного падения, визг и отшибленный локоть.

Спиридонов вцепился в меня своими клещами и, не придумав ничего лучше, сиганул в квартиру, а не из оной. В процессе отлетела табуретка, зазвенела посуда и ушиблась я. Мне пришлось извернуться в его руках, чтобы оказаться лицом к лицу.

И последняя ошибка этого фантасмогоричного вечёрка.

– Три раза за ночь, Вась? – спросила я, цепляясь пальцами за его подбородок и слегка поворачивая голову, чтобы лучше рассмотреть фингал.

Мне в ответ молчали абсолютно трезвые глаза, хоть перегар и присутствовал. Я сбросила его руки со своей талии и встала, поправила куртку, подхватила со столешницы бутылку коньяка и сказала:

– Ну ты и олень, Вась...

Глава 7

Мы делили апельсин. Много нас, а он один. Вот до чего дошла страна, где апельсинов дохрена.

Это всё, что вам надо знать о нашем с Рубенским разводе. Оказалось вдруг, что машина куплена на предприятие. Загородная дача, в стройке которой я участвовала, зарегистрирована ещё до нашей свадьбы, то есть не совместно нажитое имущество. А две однокомнатные в ипотеке. При разводе не только имущество, но и долги делятся поровну. Итого в остатке всего две квартиры, причём одну нам подарили родители, но поскольку она была продана и куплена новая, это общее. И вторая, в которой мы жили.

– Алис, не переживай ты так... Мы обязательно что-нибудь придумаем, – Олеся сжала мою ладонь в знак поддержки. Мы стояли на парковке возле бизнес-центра, где была назначена встреча.

– Да я... – говорить не хотелось, но я пересилила себя. – Понимаешь, он ведь никогда не доверял, раз всё так складно выходит. Долги я не выплачу при любом раскладе, вот и останется, что по факту мне и принадлежит, родительская квартира. Пусть немного дороже, чем та в панельке, но ведь... Такое чувство, будто он готовился...

Мы сели в машину подруги, и она злобно выдохнула:

– Вот не зря я хотела ему отвёрткой оставить послание на капоте!

Я печально усмехнулась. Апатия и непонятная усталость навалились разом ещё в переговорной. Миша был серьёзен и недоволен, поджимал губы и косился на своего адвоката. А я предстала в образе овцы, ведомой на забой: трикотажное платье с глухим воротником, чёрные колготки и сапоги без каблука. Тёмно-русые волосы сильно поблёкли, и я не парилась уже, просто заплетала их в косу. С бывшим мужем мы не проронили и десятка слов, зубоскалили Олеся и тучный мужчина, Семён Викторович, специалист по бракоразводным процессам.

– Слушай, – воскликнула подруга, притормаживая на повторе, – а поехали на выходные в загородный дом к Анатолию. Он меня хочет представить своим друзьям, и мне немного стрёмно быть одной среди акул. Да и тебе надо развеяться...

– Прости, Лесь, я буду занята, – враньё никого не красит, но лучше быть некрасивой лгуньей, чем пятым копытом у коровы. А на этой встрече уверена, все будут по парам.

– Только не говори, что будешь все выходные нянчить того ханурика?

– Кого? – подавилась я.

– Ну этого, вашего, Спиридонцева...

– Спиридонова...

– Так значит да? – почуяв новую интригу, аж взметнулась

подруга.

– Что? Да... Ой, нет, конечно... – я выдохнула. – Я просто буду спать.

– Все выходные?

– Все выходные, – подтвердила я.

На улице мороз. Зуб на зуб не попадает. Суббота. Девять утра. А я стою возле своего подъезда со спортивной сумкой на плече и Ириской в руках. Олеся решила меня превратить в Снегурочку, только так я могу объяснить её звонок семь минут назад с воплем: «Выходи, я во дворе!». Задним местом-то понимаю, стоило уточнить, в чьём именно.

Из-за поворота моргнул фарами её чёрный «жук», и я выдохнула. Запрыгнула на переднее сиденье, кинула свой баул назад, расстегнула бежевую короткую дублёнку и разместила собаку на коленях.

– А в переноске она не ездит? – приподняла бровь и, наблюдая, как шпиц устаивается на горчичных трениках, спросила подруга.

– Для тебя решила сделать исключение, – оскорбилась я, – если ты против, мы можем вернуться домой...

Олеся скривила губы и вырулила на дорогу. Молчали. Ириска возилась на коленях: то вставала на задние лапы, упираясь носом в окно, то пряталась под рукой. Ближе к трассе подруге приспичило купить вяленой скумбрии, и мы остановились у рынка.

Если честно, желание отведать рыбы немного смушало. Я то и дело косилась на Олесю и давила в себе саркастичное предложение прихватить малосольных огурчиков. А потом я увидела их. Белые валенки. Чисто-белые. Прямо как снег.

Почему-то за всю свою сознательную жизнь я так ни разу и не купила себе такой обуви. А сейчас... Нет, ну может же девица в студёную зиму позволить себе валенки? Может. Я вцепилась в них с маниакальностью прораба, который слямзил мешок цемента на стройке. И не отпускала.

– Зачем тебе валенки? – фыркнула подруга, разглядывая мою покупку с интересом патологоанатома, у которого утопленница попросила одеяло прикрыться, а то застудится.

– Ну, я же не спрашиваю, зачем тебе эта селёдка понадобилась...

На том и успокоились.

А дача была в сорока километрах от города, в какой-то лесной зоне, поэтому свежий воздух сразу вдарил по мозгам, не хуже хереса. Толик встречал нас с распостёртыми объятиями и с запахнутой горнолыжной курткой, выставляя на всеобщее обозрение подкачанный торс.

Меня кому-то представляли, знакомили, а я, как альтернативно одарённая, прижимала к груди валенки и собаку. Половину лиц не запомнила, про имена вообще молчу. Проводили в дом, показали мою спальню и предложили чувствовать себя как дома. Я чувствовала себя как в цирке, женщины, которых без Олеси было ещё трое, косились и завязы-

вали, как моряки узлы, беседы. Мужчины оценивали. Ну не каждый день увидишь девицу в белых валенках.

К вечеру обстановка стала ламповой. Народ разбрехался кто по дому, кто по участку. Я сидела на террасе в уличном кресле и наблюдала, как собака жрёт снег. Хахаль подруги совсем надринькался и пошёл жарить шашлык. На обратном пути его остановил парень в кожаной куртке с меховым воротником.

– Толь, мясо не готово, – он попытался выхватить шампур из рук Упыря. – Посмотри, тут кровь...

– Э-это месячные, – безапелляционно заявил поддатый повар.

– Тем более, никто не захочет есть мироточащее мясо, – попытался воззвать к разуму парень.

– Да у этого мяса санкнижка лучше, чем у тебя...

Я сделала зарубку в памяти, что шашлык не стоит пробовать, ограничимся овечьим набором: трава и овощи. Потом свистнула Ириску и пошла в дом. Дамы порхали над столом, Олеся разливалась зябликом, нарабатывая себе дополнительные очки в этом царстве добропорядочных жёнушек.

После ужина с пережаренным мясом народ разомлел и стал растягиваться в стайки. Мужчины частично удались в баню, женщины трещали о вечном: мужиках и косметике. Я понаблюдала, как спаситель шашлыка, тот парень в кожаной куртке, удаляется с блондинкой в одну из спален, хотя девушка была зазной молодой человека, который то ли

следователь, то ли прокурор, и он сейчас был в сауне. Олесья, поймав мою скабрёзную улыбочку, шлёпнула по ноге, отрицательно качнув головой, намекая, чтобы не привлекала внимания.

Ближе к полуночи, когда все парочки разбрелись по спальням, меня охватил поистине ужасный зверь: голод. Натянув поверх ночной сорочки длинный свитер за неимением халата, я как вор-рецидивист тихими шагами спустилась в кухню. Сделала бутер, сожрала его и запила минералкой. Потом столкнулась взглядом с бутылкой коньяка и плеснула в его бокал, понимая, что без такого снотворного явно не усну. Мысли возвращались к мужу. Я вертела наш брак и так, и эдак. Рассматривала отдельные фрагменты: свадьбу, медовый месяц, первый Новый год в загородном доме, поездку в Италию, свадьбу старшего брата... Всё рассматривала и не могла найти подножку, что сейчас рушит мою жизнь.

– Привет... – раздалось над ухом, я по инерции дёрнулась, чуть не расплескав коньяк, и обернулась. На спинку дивана облокотился парень. Я смерила его своим фирменным, из-под брови, взглядом.

– Привет, – медленно протянула я, наблюдая, как он обходит диван и садиться на противоположном от меня крае. Я дёрнула вниз свитер, чтобы не сверкать голыми ляжками. А ничего такой экземпляр: забитые татуировками рукава, короткий хвостик на затылке, выбритые виски, подтянутый, на серой футболке надпись на английском, что в переводе за-

учит как: «Совет свой себе посоветуй». Чёрные глаза и в тон им волосы.

Будь я лет на шесть моложе и на десять тупее, из кожи вон вылезла, чтобы зацепить такого альфаха. Сейчас же лишь констатировала факт, что хорош собой, не более. Меня разглядывали тоже с подобным интересом, но вряд ли я была похожа на сердцеедку: распущенные волосы до поясницы, сейчас тусклого тёмно-русого цвета, блёклые голубые глаза на осунувшемся лице и растянутый свитер.

– А ты... – он многозначительно растянул слово, намекая, что нужно познакомиться. Я презрительно фыркнула.

– Не утруждайся, – разрешила я.

– Ок, – он забрал со столика бутылку с алкоголем и долил мне в бокал, а сам отхлебнул из горла. – Тогда я буду звать тебя Девочка с белыми валенками.

– Как скажешь, Мальчик в кожаной куртке, – не осталась в долгу я.

Мужчина смерил меня ещё раз взглядом, остановившись на голых ногах. Я поёжилась. Потом он, словно вспомнил что-то, сам себе ухмыльнулся.

– Надо сразу было догадаться...

– О чём? – я не горела интересом, но для поддержания беседы чего только не сделаешь.

– Ты и есть та самая Алиса, за которой меня просил приглядеть Толик...

Какая «та самая», не стала уточнять. Подозреваю, полно

эта просьба звучала: «Смотри, чтобы эта коза не развела никого на деньги». А вот почему собеседник так ехидно сузил глаза на слове «приглядеть», стало любопытно.

– Ты чертовски плохо справился с возложенной на тебя честью, – развела руками я.

– Почему? – повёлся парень.

– Некогда было, мы же только сейчас познакомились, Мальчик в кожаной куртке.

– Ах, ты об этом, – он улыбнулся и заговорщицки продолжил: – По секрету – я и не собирался...

– Серьёзно?

– Угу. Хочет человек молчать весь день, чего его заставлять. Хочет сидеть в углу и оттуда наблюдать, кто кого в спальни водит, пусть сидит...

Вот как. Я улыбнулась. Оказывается, моё внимание за ним с блондинкой было слишком явным.

– За ней тебя тоже просили приглядеть? – я повернулась к парню лицом, чтобы удобнее было наблюдать.

– Нет, там была чистейшая импровизация.

– У тебя неплохо вышло.

Как-то разговор затих. Я уже собиралась отчалить в выделенные мне покои, как парень произнёс:

– Я Ник.

– Это сокращённое от Николая? – предположила я, ещё глотнув алкоголя. А он, зараза, только развязывал мне язык.

– От Никиты, – он приподнял бутылку, призывая чокнуть-

ся, – за знакомство!

Выпили, посидели.

– А ты красивая... – он сверкнул улыбкой, такой, от которой те, что на десять лет тупее, падают в обморок.

– Не надо, я не настолько сговорчива, как блондинка, – сразу расставив все знаки препинания, заверила я.

– И умная...

– Сомнительный комплимент, – стянула вязаный плед с подлокотника и накинула на ноги.

– С чего бы?

– Будь я умной, сейчас бы точно знала, что делать, а не терпела бракоразводный процесс, по итогу которого останусь ни с чем.

– Ты об этом жалеешь? – серьёзно спросил Ник. А я растерялась. Заглянула вовнутрь и поняла, что больше всего в этой ситуации жалею не денег, а то, что с мужем мы не вместе.

– Нет, – медленно сказала я. – Не об этом...

– А о чём?

– Обо всём, – я выдохнула и тяпнула ещё коньяка. Этот разговор был похож на болтовню в поезде с незнакомым человеком: ты точно уверена, что больше никогда не увидишься, поэтому и скрывать нечего. – О том, что не поняла, когда всё разрушилось, о том, что даже сейчас больше из-за того, что мне предпочли кого-то другого, о шести годах брака и ещё почти двух отношений...

– И за восемь лет ты была настолько добропорядочной, что ни разу не стрельнула глазами налево? – он скептически прищурился, словно пытался уличить во лжи. Я возмутилась:

– Представляешь, так бывает, когда любишь человека...

– Представляешь, две из трёх девушек, с которыми у меня были серьёзные отношения, тоже говорили про любовь, но свалили в закат при виде более успешного экземпляра, – передразнил меня Никита и ещё отпил из горла.

– У всех есть недостатки, – философски рассудила я.

За разговором я узнала, что Никита – двоюродный брат Анатолия. Работает с информационными технологиями, тут я скептически осмотрела подтянутого ловеласа и засомневалась. Айтишники в моём представлении более скромные, что ли. Но потом он начал рассказывать подробно о своей работе с какими-то непонятными словами, и я уверилась в его правде.

Господин Полонский был старше меня на пару лет, хотя визуально мы были ровесниками. Здесь вопрос, я старо выгляжу или он молодится? В любом случае коньяк сделал своё дело, и я если не с затуманенными глазами вожделения смотрела на собеседника, то вполне с неприкрытым интересом.

Вдруг стало так наплевать и на Мишу, и на развод. Показалось, что пусть горит адским пламенем моя прошлая жизнь. Дотла. С обугленными черепками надежд, развеян-

ными пеплом мечтами.

Когда рука Никиты нечаянно скользнула по моей коленке, укрытой пледом, я не шелохнулась. Он подвинулся. Просунул ладонь под одеяло и провёл пальцами от щиколотки вверх. В голове лопнула струна, а по местам, где он прикасался ко мне, растягивалось тепло.

– Разреши... – он сдавил мою руку, которая ещё прижимала плед к ногам. Его лицо в момент оказалось невероятно близко, так, что следующие его слова я вдохнула. – Разреши поцеловать...

Я молчала. Смотрела в затянутые пеленой мрака глаза. И молчала. Отдались он от меня, я бы не рискнула, но Ник ждал. И я несмело потянулась сама. Провела языком по его губам. И Ник вздрогнул. Дёрнулся на меня. Сминая пальцами плед, следом свитер и под ним кружевную сорочку. Я придвинулась. Коснулась языком его шеи, спустилась вниз. Он запутался в моих волосах, натягивая их, вынуждая приподнять лицо, чтобы самому поцеловать. Резко, вторгаясь, прикусывая нижнюю губу, а потом лаская.

Я не могла отдышаться. Не поняла, в какой момент оказалась почти лёжа, а Ник до живота задрал мне сорочку и гладил жёсткими руками кожу. Целовал, прикусывал. Стянул с одного плеча свитер и проводил языком по ключице.

Мне подумалось, что в такой момент я должна буду пылать от желания, но вместо этого я возвращалась мыслями к бывшему мужу. Когда Никита коснулся тонкого кружева

нижнего белья, я хотела остановить, но вместо этого шепнула:

– Не здесь...

Меня носил на руках Миша, но в качестве части свадебного обряда. Не более. А сейчас я как принцесса парила над землёй в руках сильного мужчины. Ник аккуратно взлетел по ступенькам на второй этаж, но не в мою спальню, а в свою. Опустил на кровать. Стянул футболку, и я залюбовалась: хорошо сложенное тело, где надо с мышцами, рельефные плечи.

Я несмело коснулась рукой его живота, провела невесомо вниз к ремню джинсов. Никита судорожно выдохнул. А потом приблизился и стащил с меня свитер. Присел на корточки, погладил бёдра, сжимая их внутреннюю часть. И стал целовать, поднимаясь от коленей выше. Я натянула подол сорочки и как в бреду, прошептала:

– Не надо... – хотела назвать имя, но распахнула вовремя глаза, чтобы убедиться, что прикасается ко мне не бывший муж.

Ник коварно ухмыльнулся, облизал два пальца и коснулся кружева белья. Я откинулась на кровать, а он, поднявшись, опёрся на локоть, стал целовать, а второй рукой сдвинув полосу стрингов, дотронулся...

Сознание взорвалось вихрем. В голове смешались вожделение, страсть, обида и предательство. Сверху это было хорошо заполнено коньяком. А меня разрывало от жара,

исходящего от мужского тела, его желания, что красноречиво упиралось мне в бедро и от боли. Потому что я изменяла мужу. И плевать, что он уже бывший. Но тело помнило его прикосновения, его поцелуи, его хриплое дыхание.

Никита скинул бретельку сорочки с моего плеча. Прикусил мочку уха и провёл дорожку из поцелуев к груди. Смело приблизился губами... Я судорожно вздохнула. Меня разрывало от таких противоречивых эмоций. Моё тело податливей воска плавилось под его руками, текло. И в то же время билось в конвульсиях от неправильности происходящего. Он поднял на меня затуманенные глаза, лизнул по губам...

– Всё хорошо? – голос неуловимо изменился, но я, не раскрывая глаз, лишь кивнула. Его рука, что была внизу, дёрнулась, и влажные от моего желания пальцы коснулись щёки... – А это ты, наверно, от счастья ревёшь?

Я посмотрела на него, не понимая, о чём речь. Никита отстранился от меня, сел на край кровати, а я провела ладонью по своим глазам, которые были в слезах.

Твою ж... Ну только я могу так. Лежать под одним мужиком и реветь из-за другого. Я села, поджав ноги, и подумала коснуться его плеча, но он словно почувствовал, вскочил с постели и, схватив лампу с прикроватной тумбы, бросил её в стену.

– Фак!!! – рявкнул он, вцепившись себе в волосы руками. – Фак, фак, фак!!!

За ним захлопнулась дверь.

Ну отлично провела выходные, Алис...

Глава 8

– Какого чёрта?! – рывкнули на террасе, а я от воплей выронила тарелку. Та звякнула по раковине и попала под струю воды.

Всё утро я была разбитая и убитая. Олеся отговорила меня уезжать под предлогом того, что у них с Анатолием есть небольшие новости на вечерний ужин. Я уговорилась, но чувствовала себя, как пресловутая собака на сене. Или как девицы с девизом: «Возбудим и не дадим!». Наверно, поэтому всё утро я отчаянно избегала встречаться с Никитой. Хотя он как-то и не попадался на глаза.

– Алиса, походу, Никитке не дала... – ехидно протянул Толик, становясь возле окна.

– Чего не дала? – затупила я.

– Ничего не дала... – он приподнял жалюзи и скабрёзно продолжил: – Ни люлей, ни надежд, ни себя...

Я хотела возмутиться, но грохот, что раздался из гостиной, а следом голос Никиты, меня опередили.

– Кто едет на снегоходах? – он смерил присутствующих в столовой таким взглядом, что проще было закопаться в керамогранит на полу, чем ответить.

– Алиса едет! – радостно выдал Анатолий, не замечая моего возмущённого взгляда. А Ник поджал губы и процедил:

– Оденься теплее...

И ушёл, не дав мне возможности оправдаться, что, дескать, брат твой пошутил. Поэтому я, вооружившись столовым прибором, прошипела Упырю:

– В следующий раз я воткну тебе в рёбра вилку и проверну...

– В следующий раз ты трижды подумаешь, прежде чем разводить меня на бабло...

Ну и злопамятный же у Олеси хахаль. И ещё мелочный. Я плюнула на посуду, вытерла руки о фартук и побежала наверх. Валенки решила всё-таки опробовать. Шурша морозным снегом, я приблизилась к парковке, где мужчины танцевали возле техники. Никита, окинув меня безразличным взглядом, лишь сказал:

– Надеюсь, собака с нами не едет? – я прижала к себе Ириску уже из-за противоречия, но айтишник вздёрнул бровь и крикнул в сторону дома: – Эй, псину кто-нибудь заберите!

И когда вездесущий Толик принял собаку из моих рук, Ник побормотал:

– Всё-таки приятнее, когда к твоей спине прижимается девичья грудь, а не собачья задница...

– Я умею водить снегоход, – сразу открестилась от совместной поездки я.

– Но их всего три, а нас шесть, – он застегнул куртку под горло и натянул на голову шапку. – Или ты боишься со мной ехать?

Он прищурился. А губы дёрнулись в издёвке.

– Не трусь, не изнасилую я тебя в лесу...

– Но в овраг всё же скинешь? – я вытащила из кармана вязаную шапку и нацепила на голову.

– Зачем скидывать, если можно просто не заметить потерю на повороте? – философски, сам у себя, спросил Никита, а я посильнее вцепилась в него. – Ты из меня завтрак выдать хочешь?

– Нет, я хочу узнать, что у нас будет на обед, – огрызнулась я, всё же ослабив хватку.

Меня прокатили по заснеженным полям. По какому-то дикому лесу, чтобы в итоге остановиться на холме, внизу которого блестела, замёрзнув голубой лентой, река.

– Селфиться, чекиниться будешь? – спросил Ник, вытаскивая из рюкзака термос с чаем.

– Что? Нет... Зачем? – опешила от его вопроса я, принимая кружку с травяным настоем.

– Ну все инстателочки так делают...

– Какая из меня инстателочка? – дёрнув за штанины бежевых трико и ударив нога об ногу валенками, спросила я.

– Вот именно... – он стянул шапку и взъерошил волосы, которые сегодня были без резинки. – Будь ты именно такой, я бы не чувствовал себя полной свиньёй...

– Прости... – опередила его я, стараясь избежать момента с извинениями. – Извини, я не должна была доводить до такого...

– Да нет... Это ты меня прости... Как шестнадцатилетний идиот полез на девчонку, которая разводится с мужем. Так ещё и любит его... Кстати, есть за что?

Никита поднял на меня глаза. А я не смогла отшутиться, что за хорошее достоинство в виде толстого кошелька. Как-то врать не хотелось. Не ему. Себе...

– Ну... – протянула ему кружку, чтобы он наполнил её снова. – Он был первым моим мужчиной и я... Я ведь даже не знаю, каково это – быть с кем-то кроме него. Понимаешь, все эти годы я на парней-то смотрела, как на прозрачные стёкла, а тут, оказывается...

Я замолчала. Мужчина пристально всматривался в меня. Не знаю, что он хотел увидеть. Но волна сомнения разделила нас.

– Он не был принцем. Да и я не принцесса. Он был обычным, добрым, хмурым, вредным, заносчивым... Знаешь, он так и не научился разговаривать с нашей консьержкой, а её это обижало, что к ней как к мебели обращаются. А я... Я сглаживала углы, отводила от него недовольство. Мне легче сходить с людьми... И я поняла, что это ему надо... Так надо, чтобы за спиной стояла та, кто примет его целиком. Без ехидных советов. У меня не получалось... Но я старалась, честно. Это было неправильно, я теряла себя с каждым часом всё больше, погружалась в его жизнь, наплевав на свою.

Я хотела добавить, что всё равно не справилась, оказалась недостаточно гибка, чтобы он чувствовал себя хозяином по-

ложения. Но промолчала...

– Хотел бы, чтобы меня так любили... – как-то горько признался Ник.

– А разве бывает иначе?

– Бывает, – и губы кривятся, как от боли. – Особенно когда в тебе видят денежный мешок, так сильно любить начинают, что страшно становится...

– О-о-о-о! – взвыла я. – Зачем ты сказал про денежный мешок. Теперь мне и про тебя будут говорить, что на твоё бабло повелась.

– А ты повелась? – мужчина прищурил глаза.

– А по мне не видно? – я изогнула бровь, намекая, что уж если бы не повелась, чёрт бы он от меня удрал, разбрасываясь лампами. – Знаешь, когда мне так сказали про мужа, я даже не поняла, о каких деньгах может идти речь. Я ведь в него влюбилась, когда он носил дырявые джинсы с масс-маркета, гонял на поддержанной "Сузуки" и тогда ещё ел в Маке...

– Мне сводить тебя в "КФС"? – пошутил Никита, а я возмутилась:

– Ты что, всю поджелудочную хочешь убить? – грозно сдвинув брови, спросила я, и мы оба рассмеялись.

– Прости Алис, – повторил Никита спустя хохот.

– Не извиняйся, – я покачала головой, и шапка съехала мне на глаза. – Я не знаю, как так вчера случилось, но это не из-за тебя, точнее, из-за тебя я могла бы кричать, но ревела

я чёрт знает почему. Сама не поняла...

Вернулись мы почти к обеду, я продрогла и возненавидела зиму. Даже в валенках. А мой спутник старательно делал вид, что всё в порядке. Что мы поняли друг друга. Но мне чуялась некая фальшь. Решив, что разбираться с тараканами владельцу сподручнее, я удалилась в ванну отогреться. Олеся попросила появиться на ужине нарядной и вообще как-то прилично. Хозяин – барин, поэтому, впрыгнув в молочный расклешенный от талии сарафан а-ля коктейльное платье, я спустилась.

– Ребят, – в середине ужина Толик прервал разговоры, встав из-за стола. – Мы очень вам благодарны, что вы приехали к нам, и поэтому хотим разделить с вами наше приятное событие...

Все замерли. Олеся держала за руку своего Анатолия и лучилась счастьем.

– Через неделю мы с Олесей ждём вас на нашей свадьбе...

Тишина была осязаемой. Похоже, эта новость шокировала не только меня, но и остальных. Чтобы не испортить молодым праздник, я резко встала, и подняв бокал, громко выдала тост:

– За молодых! – хорошо хоть не «горько» ляпнула. Но меня поддержали громкими возгласами и звоном бокалов. Я подмигнула невесте и получила в ответ благодарную улыбку.

Гости начали шутить по поводу спешного бракосочетания. Толик с Олесей смущались и отнекивались, и только я

знала про эту проклятую скумбрию, купленную на местечковом рынке.

Почти напротив меня сидел Никита и с хмурой физиономией опрокидывал шоты. Рядом, слева, сидела та блондинка и стреляла в него многозначительными взглядами. Её игнорировали, но, блин, вот нет зверя страшнее бабы. Пока гипотетический суслик гуляет по полянке, он никому не сдался, но как только рядом возникает ещё один хищник, то и добыча в сто крат привлекательнее выглядит. Это я ощутила на себе, но не поддавалась эмоциям. А потом наклонилась за салфеткой и под скатертью увидела, как соседка наглаживает своей ножкой голень Ника. Чуть не заржала в голос, но, вынырнув, сделала каменную рожу.

Я никак не могла понять этого типичного ритуала соблазнения. Как по мне, мужчине должно быть взгляда достаточно от дамы, чтобы он захотел ее добиваться. А вот эти повешения на шее, поглаживания... Да ну... Поэтому, скабрёзно ухмыльнувшись Никите, я встала из-за стола и отправилась в спальню. Народ становился пьянее, скоро караоке начнут орать, а я не люблю так, причём человек с голосом и слухом всегда будет отнекиваться, зато мадам с воплями, что только из сортира орать «Занято!», будет насиловать микрофон первой.

Снег путался в разлапистых ветвях ели. Кружился по крышам и оседал хрусткой стружкой на дорожки сада. Я сто-

яла в своей спальне возле окна. Разглядывала в отражении себя. Присматривалась. Музыка к полуночи стала затихать. Кто-то удалился, как я, к себе. С первого этажа ещё раздавались нетрезвые разговоры.

Я сжимала в руке телефон. Проверяла экран, на котором не высвечивались сообщения.

– Да... – голос мужа раздался внезапно. Я не поняла, зачем набрала его.

– Привет, – тихо сказала я, душа внутри себя ком из слёз.

– А, Алис, это ты...

– Ты удалил мой номер? – обиженно переспросила я.

– Нет, просто думал, что случайно набралось, – он замолчал. Я тоже. Искала в себе смелость.

– Миш...

– Алис?

– Забирай всё, что хочешь, Миш, – всё-таки сказала я, понимая, чем это грозит, но так было правильно. И от этого ещё большее становилось.

– Придумала очередную пакость? – не поверил муж.

– Нет, – я судорожно вздохнула. – Просто вспомнила, что я тебя полюбила без всего этого... Без квартир, домов... Потому что ты был просто наглым парнем, который обознался. И который дарил эти чёртовы эустомы в середине зимы.

Мой голос сорвался. В отражении окна девушка прижала ладонь ко рту.

– Не за Италию с её багетами и блошиными рынками, не

за красное море... А просто, потому что ты... Ты до сих пор ненавидишь завязывать галстуки... И кофе... Миш, ты варишь отвратительный кофе... – я старалась за смешком скрыть вырвавшийся всхлип. – Я полюбила обычного парня на старой "Сузуки", и мне ничего не надо было. Тогда... И сейчас.

– Прости меня, Алис...

– Я люблю тебя, Миш...

– Я тебя сильнее...

Зажатый в пальцах телефон замолчал. Я стиснула зубы, призывая себя к порядку, но не получалось. Хлопнула дверь спальни, пошла вниз. Наткнулась на Анатолия, что с Вадимом сидели и братались в кухне. Стащила бутылку минералки и поднялась наверх. Пролетела мимо своей спальни, устремляясь к самой дальней. Без стука вошла и застала Ника на постели с ноутбуком. Он стянул наушники и уставился на меня. А я, словно ошарев от прилива адреналина, ответила на этот взгляд.

– Уйди и закрой дверь с той стороны, – хрипло выдохнул он. Я обидно усмехнулась и последовала его совету.

Уже стоя в своей комнате, я запоздало смутилась, но всё равно не могла объяснить эту свою эскападу. Зачем я пришла к нему? Во мне что, заговорила подруга с её извечным «если хочешь забыть хахаля, прыгни в руки принцу»? Или я закрыла свой гештальт? Или мне больно и я хочу причинить боль всем окружающим? Что я хотела от Никиты?

Дверь распахнулась от удара. Облокотившись на косяк, стоял Ник. Меня впечатало в него с силой магнита. Я влетела в его грудь, судорожно зацепилась пальцами за плечи, а он... Ответил. Подхватил на руки, заставляя обвить ногами, хлопнул, закрывая дверь...

Он не целовал. Он отвоёвывал своё. Грубо, напористо, размыкая мои губы своим языком. Больно сжимал в руках. Я хрипло, ошалело дышала, готовая сорваться в истерику. Его пальцы надавливали на чувствительные точки. Они касались груди, сжимая, отводя платье в сторону. Он прикусывал шею.

– Не закрывай глаза... Не закрывай... Смотри на меня...

И я смотрела. Было в этом что-то извращённое, целоваться с открытыми глазами, ловить в его зрачках разгорающее пламя.

Меня прижали спиной к стене. Меня клеймили поцелуями и укусами. Меня мучили томительным ожиданием. Я психовала, сжимала ноги на его талии сильнее, стараясь приблизилась, царапала плечи, а он, поднимая на меня глаза, усмехался, и на губах играла улыбка дьявола, что искусил непорочную монашку.

Щелчок пряжки ремня. Ткань нижнего белья в сторону. И меня коснулось его желание, непоколебимое, сильное, напористое. Я обмякла в его руках, а он, схватив меня за бёдра, опустил. Я взвизгнула, забилась в накрывающей агонии наслаждения. Он дёрнулся. Я в унисон. А потом рывок, и

постель холодит спину. Ник нависает надо мной, не разрывая нашего контакта. Задирает платье, проводит по животу пальцами. Его рука скользит выше, ладонь накрывает грудь. Я сжимаюсь вся внутри, требуя, чтобы он двигался. Но он медлит, доводит до исступления, когда я готова выть от желания. И он подаётся вперёд... Назад...

Я тяну его футболку наверх. Мне хочется его тела, обнажённого, сильного. Ощутить вкус его кожи с нотками табака и дымного костра, на кончике языка – щепоткой соли. И Ник стряхивает лишнюю одежду. Я провожу языком по шее, спускаюсь к ключицам. Он сквозь сомкнутые зубы выдыхает и ускоряется. А я ловлю эти движения, попадаю в такт. Подстраиваюсь, чтобы, когда пелена огня застилает его глаза, судорожно всхлипнуть, выгнуться навстречу, сжаться и забиться в неконтролируемом всплеске пика возбуждения. Уловить его рваные движения, жёсткость напрягшегося тела и хриплого дыхания. Ощутить, как мир взрывается светом сверхновой...

– От тебя летним лугом пахнет, колокольчиком... – он всё ещё лежит сверху, закутывая в своё тело, не даёт двинуться. И дышит в шею, ласкает языком. Желание, ещё несколько минут назад удовлетворённое, урчащей кошкой свивается внизу живота.

– А от тебя зимним костром... – мой голос тих, зачем-то я ловлю его взгляд, он проводит пальцем по моим губам, размыкая их.

И потом он не уходит. Ложится рядом, притягивая к себе, дышит, целует, гладит. Я несмело отстраняюсь.

– Зачем? – он всматривается в моё лицо, подозреваю, пытается разглядеть предвестники дамской истерики. Но я лишь улыбаюсь.

– Душ... – противозачаточные, это, конечно, вещь, но раз в год и лопата огнестрелом оборачивается.

– Не позовёшь? – он приподнимает бровь и демонстративно заостряет внимание на моей груди.

– А ты хочешь? – с сомнением спрашиваю, ища тапочки.

– Я сегодня только начал, – он встаёт с постели и проводит пальцами мне по спине. Я вздрагиваю. – Идём в большую ванную...

Под звуки воды, что заполняли ванну, Никита расстёгивал моё платье. Я стояла лицом к огромному зеркалу, когда бретельки скатились с плеч, занервничала. И смутилась.

То есть переспать с человеком, которого сутки знаешь, не стыдно, а раздеться перед ним стыдно? Я затыкаю сварливое бурчание в голове и продолжаю наблюдать, как Ник касается моих плеч, жёстко проводит по позвоночнику, отчего вся кожа воспаляется. Один щелчок, и лиф расстёгнут. Я обнимаю себя, стараясь укрыться. Но Никита лукаво улыбается, подводит меня ближе к зеркалу, откидывает мои волосы вперёд, я выдыхаю...

– Согласись, нереально заводит? – спрашивает он, наклоняясь к моему уху, но глядя в глаза через зеркало. Меня

словно током пробивает, и я, не понимая, что творю, слегка повожу бёдрами. – Алис... Руки...

Он поддевает мою ладонь, вынуждая разомкнуть объятия. Накрывает полушарие, сдавливая, второй рукой стаскивает кружевной низ. Я переступаю с ноги на ногу, освобождаясь...

А потом ночь на смятых простынях. Его хриплый голос... – Не закрывайся от меня... – дорожка поцелуев до груди, стоны, снова его желание, моё согласие... – Алис, ты меня с ума сводишь...

Утро наступило. По ощущениям – на меня. Я выпуталась из одеяла, осоловело дёргая его за все концы. А когда освободилась из плена...

Никита спал, занимая всю кровать. Причём полностью нагой. И я такая же. Воспоминание хороводом, как бабки на Масленицу, пронеслись, оставив после себя возбуждение. Вот тебе и три раза за ночь, однако.

Я ещё раз взглянула на спящего мужчину. Да, хорош он не только внешне, но и в принципе, поэтому надо валить. Сразу уточню, что куда, а не кого. В режиме электровеника я собрала шмотки, схватила Ириску и, мельком глянув на часы, которые заискивающе просемафорили начало десятого, бесшумно вышла из спальни. Потом подумала, что удалиться по-английски совсем свинство, чиркнула на клочке бумаги пару слов и, вернувшись, положила на тумбочку.

Такси приехало быстро, и я, подхватив сумку, собаку и

валенки, выскочила на террасу. Не заметила хозяина дома, который пил кофе.

– Золушка, валенки оставь...

Я непонимающе уставилась на Толика, а тот пояснил:

– В сказке у принца была туфелька, а ты оставь хоть один валенок, надо же Никитке как-то тебя искать...

Я махнула рукой, наскоро поблагодарила за выходные, ещё раз поздравила с помолвкой и убежала по тропинке. Несчастьем оказалось, что по пути до машины я всё же выронила один валенок.

Глава 9

– Да, София Марковна... – я зажимала трубку на плече, ища в недрах багажника машины подруги чёртову коробку карточек с именами гостей.

За прошедшую неделю меня вымотало и потаскало. Олесья не слезала с меня со своей свадьбой, которая «будет скромненькой». Что в ее понятии скромность, я не догадывалась. А вот ресторан на двести человек, цветы из Голландии и «золотое» по денежным меркам платье пролили свет на лицемерие подруги.

Несмотря на организатора, который тоже был в мыле, мне доверили занятия всякой мелкой, но нужной чепухой. Вот эти карточки, например, которые от меня требовала мать невесты, кудахтая в телефон.

Я вытащила небольшую коробку и, подняв подол атласного платья лилового цвета, припустила в летних туфлях на шпильках по заснеженной тропинке до загородного комплекса, где и располагался ресторан. Один из трёх.

– Алиса, – Софья Марковна нервировала меня больше, чем её дочурка, – поторопись, сейчас кончится аперитив, и гости...

– Тётя Софа! – рывкнула я, поскальзываясь. – Если вы не перестанете меня подгонять, я вообще не дойду, а лягу в сугроб...

Мне пробурчали, что, дескать, сначала позабывают важные вещи, а потом психуют. Я скинула звонок и поднялась по ступеням к дверям. Не обращая внимания на толпу народа, у которых в оставшихся двух залах тоже были какие-то мероприятия, я пробилась к гардеробу и пихнула свою шубу улыбчивой девушке. Выкорчевалась из толпы и, выворачивая ноги от налипшего на каблуки снега, устремилась на свадьбу подруги.

Я не прошла и десять метров, как каблуки подложили свинью, и я запнулась. Я нелепо взмахнула руками, сжимая в левой коробку, и влетела в спину мужика в сером пиджаке. Он инстинктивно дёрнулся, развернулся и попытался схватить меня за плечи.

– Алис... – голос бывшего мужа заставил туплю блюсти честь и перестать выкаблучиваться. Я подняла глаза на своего спасителя и расплылась в дружелюбной, как мне казалось, улыбке.

Вообще после того ночного разговора меня так хорошо попустило, словно я стала втихую покуривать траву. Хотя подозревала, что дело в животворящем... Кхе-кхе... В одном айтишнике, с которым мы больше не виделись и не собирались разрушать эту традицию. Мы оба получили то, что хотели. К чему нагромождать? Поэтому ни звонков, ни сообщений. Лишь приятная истома воспоминаний.

И встреча с бывшим мужем не вызвала той волны боли, так, лишь временное трепыхание. Сродни попыткам занять

вертикальное положение.

– Не ожидала встретить... – я тряхнула копной распущенных волос с мягкими локонами. Поправила платье, вернув на место бретельки.

– У нас здесь корпоратив, – Миша оценивающе всматривался в моё лицо. Думаю, он не ожидал встретить бывшую жену здесь, да не в соплях, а впопыхах настолько, что она чуть не снесла на своём пути все – от мужиков до хлипких перегородок.

– А у меня свадьба! – счастливо ответила я, а Рубенской пошёл пятнами. Даже плечи мои сильнее сжал. Я полюбовалась на метаморфозы и смилостивилась. – Не у меня, конечно. Олеся замуж выходит...

Градус напряжения пошёл на спад. И благоверный немного улыбнулся, не зная, как дальше продолжить разговор. Я решила за него.

– Ну, я побегу... – протянула я, пытаюсь покачаться с носка на пятку, но опомнилась, что в туфлях. – А то там карточки...

– Алис, тогда ночью... – пряча глаза, начал бывшим муж. – Ты знаешь, нам надо было давно честно поговорить... Но ты ведь когда злишься...

– Всё хорошо, Миш, – я ободряюще улыбнулась. – Главное, что поговорили. Это такая мелочь – цепляться за деньги...

– Не мелочь... В любом случае нам надо всё обсудить...

– Миша, я не хочу ничего. – Софья Марковна выглянула из дверей зала и, найдя меня взглядом, сдвинула брови. – Ни денег, ни разговоров... Понимаешь, шесть лет и так много, не хочу ещё год потратить на разговоры...

– Ты что такое говоришь, Алис, – он покачал головой, от чего идеальная причёска испортилась. – Неужели это были плохие шесть лет?

– Хорошего вечера, Миш, – я привстала на носочки и чмокнула бывшего мужа в щеку. – С наступающим.

Я вывернулась из его рук и поскакала к тётё Софе. Меня прожгли взглядами и выдохнули в сторону: «Вертихвостка». А я, мило оскалившись, всучила ей карточки.

Свадьба была шикарной: в меру шумной, чуть сентиментальной (оказывается, Упырь – романтик и написал такую речь, что даже я собиралась высморкаться в скатерть) и весёлой. В середине вечера меня настиг знакомый голос, от которого я уже скоро в землю зарываться начну.

– Алиса, Алиса! Подождите!

Меня перехвалила возле бара мечта поэта, собственно, с самим поэтом. Уж не знаю, как Наташенька и Спиридонов до сих пор вместе... А ещё не знаю, что они делают на свадьбе моей подруги.

– Вот неожиданность, – скупно выдавила я.

– Действительно! – Наталья всплеснула руками, а Вася ещё больше насупился. Ему не шло. А вот костюм в мелкую клетку графитового цвета с жилеткой и белой рубашкой –

очень даже. В нём Василий выглядел, как ни странно, старше и мужественней.

– Но мы с Олесей так подружились, что она не смогла не разделить такой праздник с нами...

О как! Пока я таскаюсь, как куртизанка, по клиентам между голландскими цветоводами, Олеся дружить удумала. Интересно.

– Как вы? – Наташа зачем-то взяла меня за руку и доверительно заглянула в глаза. Мне захотелось эти самые глаза собрать у носа и сделать вид лихой и придурковатый, чтобы от меня отстали. – Слышала, развод вам нелегко даётся...

От кого это она интересно слышала? Уж не наш ли поэтический самородок пошёл языком трясти?

– Ну что ты, милая, – я оскалилась в самой противной из своих улыбок, – развод – это такие мелочи по сравнению со свадьбой. Вы ещё не решились?

Помнится, на дне рождения Спиридонова как раз разговор подобный затевался.

– Нам ещё рано, – сделав мину глубокого сожаления, призналась Натали. – К тому же Вася сейчас находится в состоянии когнитивно-импульсивного расстройства...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.